

— Примерно так все и было, — выдохнула Дзюсэцу. Подняв глаза, она заметила, что Кошун пристально смотрит на нее. Его лицо, как всегда, было непроницаемо, но слегка расширенные зрачки и приоткрытые губы выдавали шок. — ...Это правда, что ты мне сейчас сказала? — тихо спросил Кошун. — Если ты мне не веришь, то так тому и быть. Я больше ничего не знаю. Кошун замолчал, опустив взгляд. Император Пламени унаследовал трон от клана Ран, и столица, а вместе с ней и императорский дворец, остались такими же, как при династии Ран. Просто так было удобнее, но именно поэтому он смог получить трон. Потому что не избавился от Супруги Ворона — Зимнего короля. — Ты хочешь сказать, что я император, потому что здесь Зимний король? — снова заговорил Кошун. — Ты... — Он запнулся, словно колеблясь. — Неужели Консорты Ворона действительно согласны с этим? Их лишили королевских титулов и заточили здесь. Дзюсэцу бросила взгляд на Кошуна. — Что ты хочешь, чтобы мы сделали? Снова назвать себя Зимним королем? Даже если это может обернуться ненужной войной? — Значит, ты будешь молчать и доживать свой век здесь? У вас нет ни долга, ни обязанности так поступать. Ты можешь уйти... — Если бы я мог уйти, я бы уже давно это сделал! — крикнул Дзюсэцу. — Кто хочет быть Консортом Ворона? Но когти Вулиан Няньтянь глубоко во мне. Именно она выбирает Супруга Ворона — Зимнего короля. Золотая птица лишь оповещает об этом людей. Зимний царь сдерживает этого бога здесь, и мы с ним едины душой и телом, так сказать. Поэтому Зимний царь не может покинуть это место. Я не могу сделать ни шагу за пределы этого дворца. Это было бы предательством по отношению к Няньтяню. Кошун нахмурил брови. — Что ты имеешь в виду? — Жизнь Супруги Ворона находится в руках Вулиан Няньнянь. Если мы предадим ее, она просто заберет нашу жизнь. Мы ничего не сможем сделать. Брови Кошуна еще больше нахмурились в ответ на слова Дзюсэцу. — Мы ничего не можем сделать, — повторил Дзюсэцу, словно выплевывая кровь. — ...Вулиан Няньнянь убегает отсюда только ночью, когда темно и безлунно, чтобы побродить в облике Еюшен. Должно быть, в ту ночь она вонзила в меня свой коготь. — В ту ночь? — В ту ночь, когда моя мать сбежала со мной. В ту ночь Дзюсэцу бродила по окрестностям до захода солнца и, обессилив, уснула у ворот. Ночь была безлунная. В такую ночь нельзя оставаться на улице в темноте. Она была уверена, что именно в эту ночь ее выбрал Вулиан Няньтянь. По своей прихоти. — Я не могу сбежать из этого места. Чтобы сохранить тайну и не собрать людей под своим началом, Супруга Ворона не должна подпускать к себе посторонних. Этому я научился у Рейджу. Я должен гордиться тем, что я Зимний король, и хранить молчание, чтобы не навлечь на себя нежелательные беды. Я не должен жаждать, не должен желать ничего, ибо это приведет к беде. Понимаете ли вы? Каково это — быть запертым здесь из-за клана Ран, из-за своих предков, и существовать ради рода императора, который убил всю твою семью? Знаешь ли ты, как трудно жить, затаив дыхание в этом теле, зная, что тебя убьют, если ты выйдешь... Дзюсэцу прикусила губу. Ее голос дрожал. Если кто-то и мог ответить ей, то только он. Почему она должна жить здесь? Почему из всех мест именно здесь? Она не могла ничего пожелать, не могла ни с кем по-настоящему общаться и не могла сбежать. Почему! — Ты понимаешь? Скажи это еще раз. Скажи, что ты меня жалеешь, как будто ты тут ни при чем! Дзюсэцу схватила чайную чашку и ударила ею о стену. Тонкая керамическая чашка легко разбилась, издав звук, похожий на треск льда. Тяжело дыша, Дзюсэцу смотрела на Кошуна. Она знала, что не должна плакать. Она не хотела, чтобы ее жалели. Она не хотела, чтобы в ее сердце и разуме угадывались такие никчемные чувства. С какими чувствами жила Дзюсэцу до сих пор и с какими ей предстоит жить впредь — она не хотела, чтобы их можно было описать словом "жалость". Лицо Кошуна было бледным, а губы сжаты. Казалось, он не мог подобрать слов. Вероятно, услышав звук разбивающейся чайной чашки, Цзюцзюй выглянула из глубины комнаты. Она с удивлением посмотрела на разбросанные по полу осколки и подошла к ним. Она присела и стала собирать их. Дзюсэцу окликнул ее. — Дзюцу, оставь их. Я подберу их позже. А то ты поранишься. — Нет, но... Дзюсэцу отпрянула назад, услышав этот голос. Это был не обычный голос Дзюдзюцу. Это был голос со странным качеством, как будто один голос разделился на два или два голоса соединились вместе. — Двойной голос. Такое бывает, когда в человека вселяется призрак. — Цзю... — Не

двигайся, Супруг Ворона.Дзюдзюцу – нет, призрак, овладевший Дзюдзюцу, — встал, держа в руке один из разлетевшихся осколков. Дзюсэцу, собираясь сделать шаг вперед, остановилась. Острие осколка прижалось к тонкому горлу Дзюцу.— Хёугетсу! — в страхе выкрикнул Дзюсэцу.Губы Дзюдзюцу дернулись. Казалось, призрак пытается рассмеяться.— Правильно. Ты быстро соображаешь. — Раздвоенный голос звучал дразняще. — Нет такого призрака, который бы так легко придумал такую низкую вещь, как использование жизни одержимого человека в качестве щита. Ты ничтожество.— Неужели? Когда я был колдуном, такие типы были обычным делом.— Немедленно покинь Цзюцзюй.— Это я выдвигаю требования, Супруг Ворона.Всякий раз, когда Дзюсэцу пыталась пошевелить рукой, осколок все глубже вонзался в шею Дзюдзюцу. Дзюсэцу ничего не оставалось, как прикусить губу и не шевелиться.— Это та просьба, о которой вы говорили раньше?— Верно.— Ты планируешь восстановить клан Ран? Или убийство императора с помощью проклятия?Кошун взглянул на Дзюсэцу. Она не смотрела на него.— Конечно, нет, — сардонически улыбнулась Дзюдзюцу, нет, Хёугетсу. — Я не интересуюсь такими вещами. Просто есть кое-кто, кого я хочу, чтобы ты спасла.Хёугетсу изменил тон, его глаза полузакрылись, как будто он испытывал острую нужду.— Консорт Ворона. Дзюсэцу. Послушай меня. — Убежденным голосом Хёугетсу усилил давление на руку. Острие осколка сильно давило на шею Дзюцу. Дзюсэцу не мог дышать.— Я уже говорил тебе, что буду слушать тебя. Так что отстань от Дзюдзюцу.В голосе Дзюсэцу зазвучала паника. Она не могла позволить ему причинить вред Дзюдзюцу. Дзюдзю вообще не должен был иметь ничего общего с Дзюсэцу. Если бы Дзюсэцу не назначил ее своей сопровождающей, ее бы здесь не было. Она была обычной девушкой с добрым сердцем. Поэтому...— Дзюсэцу, я...Хёугетсу сделала шаг вперед и обратилась к Дзюсэцу. В этот момент острие осколка прочертило линию на коже Дзюцу. Из него потекла красная кровь. В груди Дзюсэцу что-то затрепетало, словно птица, запертая в клетке. По коже пробежала волна мурашек, оставляя за собой ледяной след. — Отойди от Дзюцзюй! — прошептала она, голос её был тих, но полон решимости.Волосы на её голове встали дыбом, словно охваченные пламенем. Она чувствовала, как по её коже струится горячий ветер, хотя ни единого дуновения не было. Украшения в её волосах задрожали, издавая звенящий звук, будто бы сами по себе, а затем, с треском, отлетели от её головы. Завязанные волосы рассыпались по спине, превращаясь в спутанные пряди, как будто их терзал невидимый ураган. Сердце Дзюсэцу колотилось в груди, словно бешеная птица, и одновременно замерло от ледяного страха. Она чувствовала себя чужой в собственном теле, словно душа её покинула её. Указав на Хёугетсу дрожащей рукой, она выдохнула:— Ты не понимаешь? Я прошу тебя уйти от неё! Это мой приказ!